

Глава 22. Моё неведение, моя привязанность

— Парень, очнулся? — Лао Ту, заметив, что Цзян Жуцзин открыл глаза, дружелюбно улыбнулся, хотя в его взгляде проскользнуло любопытство. — Ну и везучий же ты! Выбраться живым из самого сердца смерча — это, я тебе скажу, не шутки. Непростой ты человек, ох непростой.

Цзян Жуцзин равнодушно обвёл взглядом присутствующих. Их было восьмеро. Кроме Лао Ту и того странного юноши, чья аура так и лучилась мягким светом веры, здесь был старик лет семидесяти и ещё пятеро: трое мужчин и две женщины. Старик в очках в чёрной оправе сжимал в руках книгу; от него веяло той благородной, но слегка надменной учёностью, которую Жуцзин терпеть не мог — с книжниками он никогда не ладил.

Среди молодых женщин одной было лет двадцать пять, светлокожая, с короткой стрижкой. Вторая, смуглая и поджарая, выделялась суровым взглядом; её длинные каштановые волосы были заплетены в тугую косу. По одежде она и двое крепких мужчин напоминали солдат или профессиональных охранников — выправка выдавала их с головой.

Последний же, хоть и походил одеждой и повадками на старика-учёного, казался типом легкомысленным и неприятным. Его взгляд — сальный, с липким похотливым блеском — то и дело задерживался на фигуре Цзян Жуцзина.

Жуцзин посмотрел на него тяжело и мрачно, проигнорировав слова Лао Ту.

Проследив за его взглядом, Лао Ту недовольно нахмурился. Этого типа звали Фу Яньтао, он был племянником и учеником старика Фу. И хотя в познаниях он, пожалуй, превосходил свою сокурсницу Лу Цинсюэ, Лао Ту всегда чувствовал, что нутро у парня гнилое, а помыслы нечисты.

А этот найденыш... Тот, кто в одиночку отважился пересечь пустыню междуречья и выжил в эпицентре торнадо, явно был не из тех, кого можно безнаказанно задирать.

Лао Ту поднялся и подошёл к Жуцзину, заслоняя его от навязчивого взгляда Фу Яньтао. Протянув флягу, он мягко сказал:

— У тебя губы от жажды в кровь потрескались. На, попей. Дядя тебе зла не желает.

Цзян Жуцзин лишь взглянул на него, не прикоснувшись к фляге и не проронив ни слова.

Ачамоло, видя замешательство дяди, тоже хранил молчание. Он смотрел холодно и пронзительно, словно пытаясь просветить Жуцзина насквозь.

Получив безмолвный отказ, Лао Ту не рассердился. Заметив, как напряжён юноша и как

недоверчиво он озирается, старик лишь усмехнулся. Он сам отхлебнул из фляги, а затем решительно вложил её в руки Жуцзину.

— Пей, говорю!

Жуцзин невольно сжал пальцами флягу, всё ещё хранившую тепло чужих рук.

— Дядя Ту к тебе со всей душой, — не выдержала Лу Цинсюэ. — Пей давай!

Цзян Жуцзин окинул их коротким взглядом. Все — кто открыто, кто украдкой — наблюдали за ним, и от этого желания принимать их помощь становилось только меньше.

Он не сомневался, что вода чиста — если бы они хотели его отравить, Ачамоло не стал бы рисковать собой, вытаскивая его из вихря. Но принимать чужую милость было противно его натуре.

За всяким благодеянием всегда кроется корысть.

Нахмурившись, он протянул флягу сидящему рядом «святоше» и снова опустил голову, застыв каменным изваянием.

Лао Ту вздохнул и присел перед ним.

— Меня зовут Лао Ту, я здесь всю жизнь проводником работаю. А это мой племянник, Ачамоло, — он указал на молчаливого юношу.

Услышав имя, Цзян Жуцзин едва заметно приподнял бровь.

«Ачамоло?..»

Лао Ту коротко представил остальных членов экспедиции, не называя их должностей, — лишь имена. Старик Фу одобрительно кивнул на такую осмотрительность.

— А тебя как звать, парень? — спросил проводник.

Цзян Жуцзин промолчал, даже не подняв глаз, словно страдал аутизмом.

— С тобой же разговаривают! — возмутилась Лу Цинсюэ. — Никакой вежливости.

— Оставь его, — качнул головой Лао Ту. — Видать, не до разговоров ему сейчас. — Он сверился

с часами. — Почти одиннадцать. Всем отдыхать. Смерч отнял у нас полдня, так что завтра в пять утра — подъём. Дежури́м по старой схеме: Ань Тин и Дэн Цин — первые, мы с Ачамоло — вторые, Куно и Фу Яньтао — третьи. Смена каждые два часа.

Все разошлись по палаткам. Лао Ту затащил Жуцзина к себе и протянул спальный мешок.

— В пустыне условий нет, так что устраивайся как можешь.

Жуцзин не шелохнулся и уже собирался выйти наружу, когда в голосе Лао Ту прорезались гневные нотки:

— Да что с тобой такое, парень?! Еле с того света выкарабкался, а теперь жизнью разбрасываешься?

В тот же миг чья-то рука перехватила его запястье. Пальцы — прохладные, но полные странной, умиротворяющей силы — сжали его кожу.

Цзян Жуцзин обернулся и встретился с безмятежным взглядом Ачамоло.

— В ночной пустыне опасно. Дядя заботится о тебе, — негромко произнёс юноша.

Его голос обладал необъяснимым могуществом. Мягкая, почти осязаемая теплота хлынула по жилам Жуцзина. Ему вдруг показалось, что отвергнуть доброту этих людей — тяжкое преступление. Повинуясь этому чувству, он принял спальный мешок и коротко кивнул Лао Ту в знак благодарности.

Старик облегчённо улыбнулся:

— Вот и славно. Спи, набирайся сил. Остальное завтра обсудим.

Цзян Жуцзин перевёл взгляд на Ачамоло. Увидев в его глазах молчаливое одобрение, он приготовился ко сну. Точнее, попытался. Опустившись на мешок, он просто замер, глядя в пустоту.

Лао Ту, решив, что парень просто не знает, как пользоваться снаряжением, шепнул племяннику:

— Помоги ему.

Ачамоло лишь подвинул свой мешок к дяде, а сам, завернувшись в плотное одеяло, закрыл глаза.

Сон к Жуцзину не шёл.

Стоило ему смежить веки, как перед глазами всплывал миг собственной казни: взлетающая ввысь голова и безжизненное тело, падающее в пыль, словно подрезанный корень. Он непроизвольно коснулся шеи, пытаясь стереть из памяти леденящее прикосновение клинка, разлучающего плоть с жизнью. Этот холод был вечным — холод стали, разрывающей тёплую кровь, холод окончательного краха.

Дрожа от ночной стужи, он сжался в комок.

Он слышал, как первая пара часовых перешёптывалась у входа. Слышал, как Лао Ту будил Ачамоло, и как они, стараясь не шуметь, вышли на дежурство. А затем... он услышал плач.

Это был не ветер. Так стенают истинные демоны.

Жуцзин рывком сел. В ту же секунду полог палатки откинулся, и на пороге возник Ачамоло. Его голос был непривычно резким:

— Уходим! Призраки пустоши!

Снаружи завывало и бесновалось нечто злое. Слышались крики испуганных учёных. Но даже в этом хаосе, при бледном свете луны, Жуцзин видел: Ачамоло оставался пугающе спокоен. Он не выглядел человеком, попавшим в беду — скорее божеством, сошедшим с пьедестала в храм, залитый светом.

Раздумывать было некогда. Снаружи повеяло трупным холодом, от которого немел затылок. Жуцзин понимал — он сейчас в плачевном состоянии. Его нынешнее тело было лишь временной оболочкой, лишенной и капли духовной силы. Он был слабее любого смертного. Если не прорвётся вместе с ними, пустыня станет его могилой.

В глазах Жуцзина на миг вспыхнул кровавый отблеск, лицо исказилось жаждой чужой боли. Но когда Ачамоло обернулся, перед ним снова стоял лишь тихий, поникший юноша.

Юноша с «божественным светом» ощутил на миг исходящую от спутника ауру застарелой, нечеловеческой ненависти. Его взгляд изменился, но он не проронил ни слова.

— Идём, — коротко бросил он и вышел.

Снаружи творилось безумие.

Ветер швырял в лицо пригоршни песка. Сотни, если не тысячи прозрачных призрачных тел плотным кольцом сжимали лагерь, норовя впитаться в живую плоть. Ань Тин, Дэн Цин, Куно и

Лао Ту встали кругом, закрывая собой перепуганных учёных. В их руках были странные чёрные устройства, изрыгавшие серебристые вспышки с резким треском.

Стоило Жуцзину выйти, как на него набросились двое призраков. Их одежды — широкие мантии и гирлянды из лент — выглядели чужеродно. На лбах светились тусклые точки, а богатые головные уборы, украшенные камнями, намекали, что при жизни эти твари были людьми зажиточными.

При виде оскаленных морд Жуцзина захлестнула ярость. Он уже замахнулся, желая одним движением стереть их в пыль, но тут же вспомнил о своей беспомощности. Рука бессильно опустилась.

День...

Чистый звон Иньпаня разрезал воздух. Призраки, едва не вцепившиеся в Жуцзина, замерли истуканами.

Ачамоло стоял среди бушующего песка, его волосы разметались по плечам. Одна его рука была сложена в мудру лотоса, другая легонько ударяла по золотому Иньпаню. Ветер вокруг него мгновенно утих, а монстры застыли, словно в глубокой медитации.

— В машину. Живо, — голос Ачамоло звучал так же ровно и властно, как и прежде.

Учёные, похватав самое ценное, запрыгнули в модифицированные внедорожники. Моторы взревели, и машины сорвались с места.

Не успели они отъехать и на сотню метров, как сзади снова послышался многоголосый вой. Тысячи глоток выкрикивали разные заклинания, сливавшиеся в безумную какофонию, от которой раскалывалась голова.

— Да что это за твари?! — Лу Цинсюэ забилась в истерике.

Лао Ту, вцепившись в руль, гнал на пределе, не сводя глаз с зеркала заднего вида. Ответил Старик Фу. Поправляя очки, он с трудом скрывал лихорадочное возбуждение:

— Призраки пустоши! Это они! В древних хрониках сказано, что после смерти наставника новый царь и его прихвостни устроили резню. Почти восемьсот тысяч верующих пали здесь. Их тела бросили в пустыне без погребения. Видя, как горят их святыни, они не смогли обрести покой. Их души стали призраками, обречёнными вечно стенать в песках! Мы не ошиблись! — он сжал кулаки, глаза его горели фанатичным блеском. — Легенды правдивы! Храм где-то рядом!

Ань Тин и её напарники лишь хмурились, вполголоса обсуждая вызов подкрепления. Они

понимали — если бы не этот странный племянник проводника, их бы уже растерзали. Учёные же, ослеплённые своим открытием, кажется, совсем позабыли об опасности.

Ачамоло уже убрал свой Иньпань. Он сидел в углу салона, скрестив руки на груди, и время от времени поглядывал на преследующий их рой.

Внезапно раздался голос — чистый и холодный, как звон меча, рассекающего лёд.

— Что это?

Ачамоло поднял голову и встретился взглядом с мужчиной, которого спас из бури.

— А ты как думаешь? — спокойно спросил он.

— Ни демоны, ни духи. Я никогда не видел подобных мертвецов, — произнёс Жуцзин.

Он нащупал в кармане какой-то предмет и задумчиво сжал его. Взгляд его был пуст и безразличен.

— Это не призраки. Это... моё неведение и моя привязанность.

<http://bllate.org/book/17530/1704027>